

РУБЕЖИ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В.А. Кутырев

КОГНИТИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЕЁ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ

Аннотация. Рассматриваются исторические формы познавательного моделирования мира: онтология, гносеология, эпистемология, когнитология. В когнитизме смысловое познание (*Logos*) вытесняется формальным (*Mathesis*). Его философским основанием является трансцендентализм Канта и Гуссерля. Их непоследовательность преодолевается в постмодернизме (Делёз) заменой тождества и противоречия различием и повторением. Информационизмом. Это означает замену «нашего» предметного мира конструктивно-когнитивным, постчеловеческим.

Ключевые слова: философия, гносеология, эпистемология, когнитология, трансцендентализм, постмодернизм, тождество, различие, нигитология, *Mathesis universalis*.

Явление когнитологии

Все великие социальные и духовные образования распадались из-за внутреннего нестроения. Более чем 2-х тысячелетняя традиционная философия переживает кризис не столько от внешнего постмодернистского нигилизма, сколько из-за процессов в царстве человеческого духа в целом. Распад метафизики их продукт, проявление.

Потеря философией статуса метафизики как высшей формы духа происходит со смещением её внимания с бытия на познание, переносом центра тяжести с онтологии на гносеологию. И. Канта не зря до сих пор считают актуальным философом. Потому что он первый «отказался от мира», объявив его «вещью в себе». Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенес интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, «продвинутого» философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об «отсталых странах», где гносеология была знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX в. Хайдеггерианство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Также безуспешно

ему противостояли философская антропология и экзистенциализм

Однако на отказе от предметно-чувственного мира (опыта, фактов) — от «бытия» и переносе внимания на гносеологию процесс деонтологизации философии не остановился. Он продолжился внутри самой гносеологии. В ней происходит отказ от рассмотрения познания с точки зрения субъект-объектных отношений, от оппозиции субъект-объект как «основного вопроса философии». Сначала он решается в пользу первой стороны — приоритета наделенного сознанием и волей субъекта, больше не отражающего, как в классической онтологии, а изменяющего и преобразующего противостоящий ему объект. Субъект первичен, действует и «создаёт» себе объект. В этом свете всё, что было в философии до Канта, предстаёт как аристотелизм, «птолемеевщина». В разработке гносеологии как учения об активно познающем субъекте суть совершённой им коперниканской революции. Заменяя принцип отражения принципом деятельности, гносеологизм ориентирует на исследование новых, уже не онтологических оснований познания...

И сталкивается с онтологичностью (фактичностью) самого субъекта. Хотя субъект может быть не индивидуальным, а коллективным, родовым, он всё ещё обладает «бытием» — носителем опыта и каких-то жизненных характеристик — антропоморфный, духовный, психологичный. Даже если универсализируется. Деятельность, направленная на «что-то», предполагает дея-

теля, «кого-то», что вместе обуславливает её сущностную апостериорность. *Принципиально и радикально проблема деонтологизации философии решается при отказе от субъект-объектной схемы как таковой.*

Это происходит в русле позднего позитивизма и критического рационализма, где гносеология десубъективируется, что означает её выход за рамки философии и превращение в науку. В результате такой трансформации она прекращает своё существование. Её функции принимает на себя эпистемология. *Эпистемология — научная гносеология, (не)гносеология, бывшая гносеология.* Знание в ней рассматривается и не как отражение, и не как средство преобразования внешнего мира, а в качестве существующего самого по себе, самостоятельно — анализируются его предпосылки, функции, возможности. Эпистемология исходит не из занятого познанием «гносеологического субъекта», а из объективных структур знания *suī generis*. Онтология как бы возвращается, однако, уже в роли онтологии знания. Онтологии как (не) онтологии, постонтологии. Если гносеология это теория познания предлежащей реальности, то эпистемология это *теория самого (по)знания как особой реальности.* Предметная или чувственно-телесная реальность в ней практически исчезает, испаряется. Если она в знании и представлена, то «не собой», а предельно опосредованно — в виде его направленности на что-то (гуссерлевская феноменология) или через обозначение чего-то (структурно-лингвистический анализ). Представлена до тех пор, пока от неё не откажутся вовсе и не будет объявлено, что существует лишь самореферентные феномены, язык, знаки, текст — и ничего больше. Эпистемология — вершина, последний рубеж традиционного, хотя уже облаченного в научные формы философствования, связанная с ним пуповиной анализа внутренних значений внешней предметно-чувственной реальности.

Казалось, что в контексте трансформации метафизической субъект-объектной философии в науку, у эпистемологии блестящие перспективы. Торопливые теоретики от философии начали переназывать все проблемы познания — и когда процветала онтология, и когда победила гносеология, проблемами эпистемологии. В учебниках по философии науки теории познания, что, впрочем, естественно, больше нет. Она трансформировалась в эпистемологию. А противоестественно, что как раздел, гносеология исчезает и из учеб-

ников по общей философии, которая, желая быть научной, избегает своего «основного вопроса» о соотношении мира и человека, объекта и субъекта. Теряя эту проблематику, она действительно становится научной, то есть теряет себя и превращается в философию (теорию и методологию) науки. Содержание же теории и методологии науки фактически сводится к эпистемологии. С большей или меньшей полнотой, с сильной или слабее проявленностью, везде — эпистемология. Кто думает по другому, «онтогносеологически», т.е. говорит о денотате, истине, о соотношении объекта и субъекта, вспоминает содержание и чувственную предметно-телесную реальность, тот просто консерватор.

Но время летит стремительно, технологии меняются каждые 3-5 лет и от эпистемологического ствола общенаучного (бывшего философского) древа пустился и набирает силу смертельный для него побег. В последних, новейших философских работах эпистемология тоже исчезает. Постнеклассическая эпоха отказывается не только от гносеологии, но и от эпистемологии. На их месте возникла когнитология. На первый взгляд, ничего особенного не произошло. Во многих словарях, вовсе не старых, слово «когнитология» объясняется путём простого перевода с латыни: «относящееся к познанию. А в текстах сплошь и рядом гносеология с эпистемологией (вместе) просто заменяются когнитологией, которая опять применяется ко всей истории философии, да и ко всей современной философии. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и др. Таким образом, получается, что никакой гносеологии и эпистемологии не было. Всегда была когнитология. Кто думает по другому, «гносеоэпистемологически», т.е. вспоминает значения, говорит о проблемах интерпретации и реализуемости, смысла и верификации, тот тоже консерватор, хотя быть может не такой упорный как онтогносеологи, которые теперь просто архаики.

Как всё же много теоретиков безнадежно отставших от паро/тепло/электро/ атомо/воза(хода) современности. А может, другими словами, бегущих впереди его? Но именно *словами*, так как на самом деле они не хотят считаться, что каждое понятие имеет предел применения (должно быть фальсифицируемо, сказал бы К. Поппер) и «распространенное на всё» утрати-

вает своё содержание. Становится пустым. Или, если его содержание сохраняется, оно разрушает, выхолащивает неадекватный ему предмет исследования. Отстают, потому что убегают — от сути дела, от драматических противоречий развития. Отсталость в наше время приобретает прогрессивные формы.

Экономя время для последующего дискуссионного рассмотрения содержания когнитологии, воспроизведём её наиболее устоявшуюся базовую характеристику по энциклопедии. «Когнитивная наука (cognitive science) — комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей. Включает в себя исследования, проводимые в таких областях как эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, психофизиология, нейробиология и компьютерная наука. Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, что мышление есть исчисление»¹.

Сущностно в данном определении можно выделить три практически никем неоспариваемых мысли: что когнитивная наука (когнитология) изучает «познание и высшие мыслительные процессы», что она делает это путём «применения теоретико-информационных моделей» и что «мышление есть исчисление». Если гносеология это теория (по)знания внешней реальности, эпистемология это теория знания как особой реальности, то *когнитология — это теория всей реальности как особого знания*. Для традиционной философии, вообще для сложившегося способа человеческого познания посредством языка — Logos-а, не говоря об образах и представлениях, об интуиции и телесности, это крайне серьёзное событие, означающее, собственно говоря, их ликвидацию. Смерть. *Замену*. Замену не только человека, не только субъекта, не только сознания, до сих пор существовавших эмпирически и выражавшихся преимущественно посредством языка — словами, устно и письменно, вслух и «про себя», но всего Означающего. Оно *становится Информацией*.

Отныне место онтологического человека, гносеологического субъекта, эпистемологического со-знания занимает когнитологическое мышление, включённое в один ряд с информацией и исчислением. Они предстают как проявление, коды одного и того же процесса функционирования систем (комплексов) получения, обработки, хранения и, по мере необходимости, активизации информации. Её коммуникации, исчисления или, иначе говоря, «нового мышления». Гносеологическая истина и эпистемологический смысл уступают место когнитивному знаку (цифре). Это переход к полностью техническому, т.е. абиотическому, немозговому, постпсихическому, постсемантическому воспроизведению (моделированию) мира. *Когнитология есть теория и методология информационно-компьютерных технологий, их доведения до уровня искусственного интеллекта как Реальности и обеспечения её пространственно-временной экспансии внутри человеческой цивилизации на Земле и в Космосе*.

Избыточно широкое употребление понятия когнитивного превращает его либо в пустое, либо ведет к теоретически странным, необычным сопряжениям смыслов, превращая их в абсурдные. Что это будут за «информационные особенности мифологического мышления», «вычислительное развитие личности», «постсемантические механизмы научного исследования» или «соотношение математического и ценностного в диалоге культур»? Если здесь есть проблемы, а они есть, при том самые острые, то они требуют содержательного разъяснения, особого направления философствования, изучающего взаимодействие разных миров и онтологий, разных способов теоретизирования, принципиально по-новому ставящих вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания. Нужен осознанный анализ как принятия, так и не принятия когнитивизма. Для о-предел-ения сфер его ответственного использования.

Критически относясь к универсализации когнитологии, её экспансионистскому распространению, особенно в истории мысли, в психологии, лингвистике и, разумеется, в философии, мы не имеем основания полагать, будто её /по/ явление было результатом произвольного изобретения. Когнитивизмом завершается *нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от «поэмы к математике»: мифология — онтология — гносеология — эпистемология — когнитология*. Также как нельзя считать, будто постмодернистская эпоха

¹ Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 264.

не имеет предпосылок в модернизме. При таком понимании мы оста(н)емся в плену «идеологического постмодернизма», манипулирующего словами без соотнесения с порождающим их бытием. И тем самым маскирующим реальность, которая приходит, надвигается, лишая нас шансов, где возможно, к ней приспособляться, а где нужно — бороться.

Для выживания в ней, надо копать до причин, учитывая, что формализация и когнитизация мышления подобны механизации и автоматизации физического труда, помня, что археология (знания) требует ручной работы (головой), в ней нельзя пользоваться тяжелой (компьютерной) техникой.

Трансцендентализм как философия когнитивизма

Если развитие метафизики проходило в соперничестве материалистической и идеалистической картин мира, то теперь оно утрачивает значение. Материализм начал терпеть поражение, когда наука от рассмотрения «вещей» обратилась к «отношениям», к исследованию микро и мега реальностей, т.е. превратилась в неклассическую. По мере того как она теряла связь с непосредственно воспринимаемой эмпирией, онтологический, как механический, так и диалектический материализм становился «гносеологическим», «научным», «функциональным», «знаковым» и т.п. В принципе его время кончилось, в эпоху же постмодерна он, как и природа, жёстко табуированное слово.

В постмодернизме деконструкции подвергается не столько материализм (которого как бы нет), сколько «платонизм». В борьбе с метафизикой классический идеализм главный объект атаки, ибо он является её высшим достижением. Важно разрушить «естественную установку»: сам принцип бытия, присутствия, онтологию, неважно материальную или идеальную; ликвидировать принцип отражения, образца-копии, неважно отражается ли природа в сознании или эйдосы, дух, идея воплощаются в природе; снять саму бинарную, неважно дуалистическую или монистически-диалектическую оппозицию лого/с/центристского мышления.

Это в центре нигилистического, меонистического циклона, уносившего традиционную метафизику. По его краям, например, в российской философии, которая не считала себя постмодер-

нистской, шли аналогичные процессы. Вслед за «материей» куда-то исчезла и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001) идеализму уделена 1 страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе. Факт особенно показательный, если вспомнить, какие страсти бушевали вокруг них во времена «старого» издания, где идеализму было посвящено 13 страниц, а идеальному 9. (Щадя жизнь философов советского воспитания, соотношение статей по материализму лучше хранить в тайне). Это, конечно, не по забывчивости или безответственности. В текущих исследованиях «идеальное» фактически вытеснено понятием «виртуальное». При переиздании философских классиков в некоторых предисловиях слово «идеальное» по-тихому стали заменять (подменять) на «виртуальное». Виртуальное, не так давно переводившееся как «мнимое», претендует быть более реальным, чем «реальное реальное». Как идеальное в идеализме — субстанцией. В суть(щ)ности говоря, идеальное отправлено в архив вслед за материальным вместе с так называемым основным, главным, центральным, кардинальным вопросом всей метафизической философии»: что есть Бытие (Природа, Бог)?

Как видим, судьба всю жизнь братски враждовавших понятий материального и идеального одинаково печальна. Но в разной степени. Если у материализма не осталось даже наследников, то у идеального есть, не всеми правда признаваемый, восприимчик — виртуальное, которое стремительно стремится занять его нишу. Хотя «высокая философия» его не признает. Какое-то оно все-таки «техническое», без корней, без истории и традиции. Да и обсуждают его в основном в русле философии науки, техники и информатики. И вот — спрос рождает предложение — в последнее время на место идеального появился еще один претендент. Это — *трансцендентальное*, которое, пожалуй, может вступить в спор за наследство с виртуальностью, претендуя на него по праву первой очереди. Ибо укоренено в истории философии: идеализм различался субъективный, объективный, абсолютный и — трансцендентальный. Правда, до умаления «классического идеализма», понятие трансцендентального было в тени, как обозначение одного из не самых значимых направлений, известного в основном специалистам по Канту, неокантианству и феноменологии и о котором не пишут в учебниках. Но вот теперь этот, по словам Гегеля, «варварский схоластический термин», заимствованный Кан-

том из средневековой теологии, распространяется всё шире и по последним наблюдениям в своей «обратной экспансии» дошел до Декарта. Опять все признаки утраты сути понятия, его замены противоположными или посторонними смыслами и превращения в «необязательное» слово, как с когнитивизмом и виртуалистикой.

Так чем отличается трансцендентальный идеализм, осознававшийся самим Кантом как *беспрецедентный* в истории философии, от прежнего, «метафизического» идеализма?

В трансцендентальном идеализме постулирование чистого, внеопытного, априорного разума опирается не на «бытие», а на его отрицание. Это было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры. Отныне бытие квалифицируется как «вещь в себе» и больше не присутствует в каких-либо теоретических построениях. Данные опыта, «факты», по мысли Канта, имеют значение постольку, поскольку дают представление о законах эмпирической реальности, но они не могут привести к познанию генезиса и причин этих законов, гарантировать их аподиктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, «начальными». Не законы в мире, а мир в законе. Не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей.

Человеческая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы и самостоятельности. Первоначально она была полностью «вплетена в бытие» и, неразрывно связанная с наглядными представлениями, оперировала преимущественно чувственными образами. Осваивала единичное. Это было «бытие-в-мире». В процессе усложнения практической деятельности, возникают общие понятия, которые требуют преимущественно звуковой, словесной формы, непосредственно не отражающей каких-либо предметов. Такой подход к реальности устанавливался с большим трудом. Вижу чашу, но не вижу чашности, говорил оппонент Платона. Это потому, отвечал тот, что у тебя есть глаза, но нет ума. Тем не менее, люди постепенно осваивали «невидимые», «сверхчувственные» связи и отношения. Формировали «картину мира», в которой появляются беспредметные понятия, категории и универсалии. И, наконец, возникает логическое мышление как таковое, счет и первые

представления о количестве, не опирающиеся ни на указания конкретных предметов, ни на память о них («без палочек» и пальцев рук-ног). Осваиваются проектные и реляционные, «без-вещные» отношения. Изобретаются бесконечно малые числа и аналитическая геометрия.

Кажется, всё хорошо. Человеческая мысль, повзрослев и встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что смотрела она туда ради земли, побуждаемая потребностями своей телесно-духовной жизни. Она эта, с определённым артиклем, человеческая. Логос, слово, язык, действительные числа обусловлены эмпирией, хотя бы потому, что они всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно. Абстрактность нарастает, но самые тонкие сублимации, самые отдалённые испарения несут в себе следы своего субстрата. Следы бытия. Декарт разделил бытие на две сущности, а потом всё время был озабочен проблемой их взаимодействия. Только Кант решился обрезать пуповину, тянущуюся от бытия к сознанию, и постулировал самождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Осознал *в принципе* его совершившийся «отлёт» от действительности. Для начала — от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору всё выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что в конце концов они коснутся рукой неба»².

Во времена Канта Небо было оппозицией земле, символом чистоты и пустоты, хотя не для всех: у кого-то там были поселения Богов. Если бы он жил сейчас, то мог полнее развернуть свою аналогию. На небе жили и живут «традиционные идеалисты». Метафизические. Как религиозные, так и секуляризованные. Да, они оторваны от земли, однако это, пусть предельное, но абстрагирование. Там могут быть образцы, «эйдосы», предполагающие земное воплощение. В любом варианте: Небо зависит от Земли или, наоборот, Земля порождается Небом, они обуславливают друг друга. Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля-небо, являющейся своего рода содержательной реализацией традиционного бытия. *Преодолев земное притяжение,*

² Там же. С. 137.

человеческий дух, вселившись в голову Канта как в космический корабль и используя его хилое тело как ракету, вышел в Космос. В возможные миры. Детерриториализовался. Вместо предметного бытия = от бытия, у Канта остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. Это характеристики не субъективного, и не просто объективного и общезначимого, а трансцендентального сознания. Транс, через, пост, пере — назначение подобных приставок в обозначении «перехода за», прорыва границы сущего. Границы Земли и её атмосферно-духовной ауры — Неба. П(е)реступание человечества за Бытие. За свою deadline.

Поскольку сознание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъективно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом, постольку, вопреки школьным представлениям, *он эпистемолог, а не гносеолог*. При том первый, ибо гносеологизм — предел «идеалистичности», абстрактности традиционного идеализма, ограниченного «основным вопросом философии»: взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Он до(вне)научный, спекулятивный, не «позитивный». Принципиальная новизна кантовской философии как раз в том, что она его преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не философии как метафизики с её онтологией и гносеологией, является постметафизический, т.е. *трансцендентальный идеализм*. Это минимум.

Максимум, что эта сфера чистого разума с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, аксиоматики и дедукции, в конечном счёте, беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования реальности. Моделирования как мысленного конструирования. Трансцендентализм есть то, что относится ко всем возможным мирам. Абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм — это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё*.

О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, в большей или меньшей степени мечтали все рационалисты. Естественно, в естественных науках, но Гоббс, как известно, предлагал использовать их в политике и юриспруденции, Спиноза пытался делать это в этике, Лейбниц в мышлении вообще, в том числе в философии. «В

случае возникновения разногласий, — провидчески писал он, — двум философам не придется больше прибегать к спору, как не прибегают к нему счётчики. Вместо спора они возьмут перья в руки, сядут за доски и скажут друг другу: «будем вычислять»³.

Вот когда ставился вопрос о преодолении логоса (и не в восточно-христианском смысле как «Живого слова», а уже как «рацио») и переходе к когнитивному познанию! Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, занятой преимущественно изучением постоянных величин и евклидовых геометрических фигур, ни философской тематикой, ориентированной на рассмотрение действительности, а не любых отвлечённых форм мысли. По крайней мере, до создания (не открытия, как часто говорят, а именно создания, конструирования) воображаемой, наконец-то априорной геометрии Н.И. Лобачевского (1826 г.) и спустя три года геометрии Яноша Больаи, который с гордостью писал своему отцу: «Из ничего я создал целый новый мир».

Докантовские рационалисты, если и подводили под всеобщую математизацию теоретическую базу, то она оставалась либо общенаучной, либо апеллировавшей к внерациональным аргументам. Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного «онтогносеологического» философствования, не сделав абстракцию первичной, т.е. фактически не абстракцией-сублимацией, а суб/станцией, создать её было невозможно. Мироззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать *первым представителем нигитологии как креативного меонизма, т.е. сверхъестественным идеалистом-конструктивистом*. И... философским основателем когнитивистики. *Он не просто эпистемолог, а когнитолог*.

Хотя, разумеется, возникли новые проблемы, начиная с его собственной непоследовательности, но всё это на уровне, коррелятивном запросам неклассической науки и постметафизического мироззрения.

Главной причиной непоследовательности Канта оставалась «вещь в себе», мир, от кото-

³ Цит. по: Рассел Б. Новейшие работы о началах математики // Новые идеи в математике. Вып. 1. СПб., 1913. С. 87-88.

рого он отказался. Получив после этого антиномические противоречия и начав задыхаться в безвоздушном пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(щ)сомости, замерзая среди холодных построений алгебры и геометрии, он был вынужден возвратиться назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование Трансцендентного Бога. Войдя в этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал «вниз», к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, «метафизики нравственности», «вечного мира», «незаинтересованного», но всё же «удовольствия», другим жизненным формам человеческого бытия. Вплоть до интереса к натуралистическим воззрениям Руссо.

Однако эстафета преодоления духовного и предметно-чувственного мира, нашей «естественной установки» не потерялась. Минувя головы Гегеля, Маркса, оставшиеся «при бытии», т.е. метафизиками и имманентистами, она была принята следующим великим представителем трансцендентализма — Э. Гуссерлем. Он тоже прошёл стадию отказа от метафизическо-идеалистического абстрагирования, называя его, в соответствии с терминологией Платона, эйдетической редукцией и считая недостаточным для создания философии как «строгой науки». Эйдетическая редукция — высшая форма абстрагирования, но она посюсторонняя и референтная. А не потусторонняя и не саморефлективная. Она, следовательно, не трансцендентальна. Это «традиционный» рационализм. Трансцендентальной является *феноменологическая редукция*, в которой проблема внешней реальности решается не через её сублимированно-абстрагированное, но всё равно мешающее чистой логике наличие, с одной стороны, и не через всё же пугающее мезонизмом исключение из теоретического со(по)знания, с другой, а путём превращения в его атрибутивное качество. Сознание обладает свойством интенциональности, то есть направленности на реальность по самой своей сути. Отсюда следует, что никакой отдельной «вещи в себе» предполагать не нужно. Она не отброшена, не забыта (как, например, предлагали неокантианцы Марбургской школы), а учтена, хотя как таковая не существует. Благодаря феноменологической

редукции и идее интенциональности получается, что и волки сыты, и овцы целы. Мир помещён в скобки, капсулирован, он больше ничего не загрязняет и никому не мешает, однако, являясь членом алгебраического уравнения, участвует во всех сложениях, умножениях, делениях и прочих его преобразованиях. Он о(за)хвачен сознанием, находится в нём и заключён в него. Это *состояние сознания*. Так Гуссерль нашёл, «вывел» новую феноменологическую форму(лу) един(ства)ого мира как «(не)бытия-в-сознании».

Отныне человека окружают не вещи, а феномены. Даже не окружают — это выражение пережиток «естественной установки» — а всё сущее и он сам есть чистое, хотя бытийствующее сознание-знание⁴. В XX в. отказ от бытия как признания самостоятельного существования предметно-чувственного, образно-телесного мира приобрёл общетеоретический характер. Так называемый структурно-лингвистический (поздний вариант — текстологический) поворот оппонирует любому, как материальному, так и идеальному субстанциализму и эссенциализму, фактически позиционируя себя кантианством без вещи в себе и трансцендентального субъекта. Подобно феноменам, структура, язык, текст являются со/знанием, в котором по самому их назначению представлен объективный мир. Собственно говоря, это была трансцендентальная феноменология, вырвавшаяся из философско-спекулятивных схем рассуждения на простор сначала гуманитаристики, а потом познания вообще. Хотя сам Гуссерль оказался (всего только) человеком и — «сломался». Разочаровавшись в науке, тем более «строгой», он, подобно Канту, обратился к экзистенциально-антропологической проблематике жизненного мира, этому «практическому разуму» XX в.

Тем не менее, теоретический разум в своей экспансии не остановился. Структурно-лингвистическая парадигма была своего рода самоубийственным порывом гуманитаристики к его ещё более мощному проявлению, укоренённому в развитии науки, точнее, человеческого мира в целом. Она оказалась гуманитарной подготовительной ступенью к развёртыванию *Великой Информационной Революции*. Феномен, структура, язык, — все их можно обобщить в понятии Информация. Она

⁴ Прямо противоположная «антитрансценденталистская» трактовка феноменологии, развивавшаяся М. Хайдеггером, обсуждалась нами в статье «Крик о небытии» // Вопросы философии. 2007. № 2.

тоже универсальна, *интенциональна* и в силу этого включает в себя, одновременно заменяя собой, Бытие. Кредо информационной трактовки мира: «В Начале была Информация. И Информация была у Бога. И Информацией был Бог» (новейший перевод ветхозаветной Книги Бытия). Пока наш, не канонический.

Но... пока и не строго трансцендентальный, не чисто когнитивный. Трактовка информации по аналогии с феноменами, языком и структурой, решая проблему «вещи-в-себе» путём её включения в себя через интенциональность, через отражательное понимание информации как «сведений», «информации о», «знание про что-то» не является априорной. Она лого/с/центрична и всё-таки содержательна, апостериорна, т.е. не до, не вне и не сверхопытна. Не формальна. Язык, язвык, язвук, голос = фоноцентризм; речь о чём-то и обращённая к кому-то = онтоцентризм; слова, которые бывают мужского и женского рода = фаллоцентризм — вот и полезла эмпирия. Так и со структурой, феноменами, со всей включившей в себя, изолирующе-кодирующей собою предметно-эйдетическое, эссенциалистское содержание мира, информацией. Ткни, поскреби хорошенько, раскрой скобки, повреди кабельную оболочку — и вещи выйдут из себя: брызнет кровь, ударит энергия, д/у/охнёт жизнью. Опять проклятые субстраты, опять ненавистные идеи. Так называемые реальность, образы, смыслы. Притом — субъективные, человеческие.

Полагали, что здесь вырывает текст. Он надёжнее, ибо отчуждён от головы и тела, существуя после изготовления вполне самостоятельно. Дух в нём упорядочен и организован. Внутреннее и имманентное преодолено. Если в языке бытие очищено и пастеризовано, то в тексте оно высушено и законсервировано. От территории остаётся карта, от общества библиотеки, от людей знаки. Обновленное, «постязыковое», усиленное кредо борьбы с чувственной реальностью: «нет ничего кроме текста». Под этим девизом познание докатилось до постмодернизма, когда, наконец, происходит подлинный прорыв к трансцендентализму и когнитивизму. После деконструкции традиционной метафизики, т.е. умерщвления субъекта, человека, означающего и означаемого; в процессе отказа от слова (и знака!) или, если сохранять это слово, в пользу *пустого* знака, т.е. письма, грамматики; по мере реализации программы борьбы с архео-тео-онто-этно-фалло-фоно-лого

(историей, Богом, бытием, культурой, телесностью, эмпирией, слово)-центризмом и прочих, прочих экспроприационно-деконструкционных ак(т)циях нигилистической идеологической революции; после рас(за)чистки ею места (не терри/terra/тории, а *от* территории) с целью подготовки теоретической площадки для позитивно-нигилогического когнитивного моделирования и конструирования. Когда в результате действительно возникают «новое Небо и новая Земля», а если без архаических метафор, то человечество, наконец, пре-одолевая небо и землю, начинает действовать в Космосе, на любых других планетах не только в фантазиях или технически, но и философски. Делает его точкой отсчёта при моделировании любой реальности, а *космизм как иное — мировоззрением и парадигмой познания*. Или, уничтожая природу, создаёт «рукотворный» космос (возможные виртуальные миры), его/их новые условия для (не)жизни на Земле.

Итак, отряхнув со своих ног прах естественно, всей предметной реальности и обратив взгляд внутрь себя, человечество вступает в реальность головную, а потом от головы отчуждённую, полностью искусственную, информационную, интеллектуально-техническую. *В когнитивно реализованный трансцендентализм*.

Самый значимый теоретический вклад в *когнитивно-трансцендентальный, компьютерно-космический по(пере)ворот*, как знаток истории философии, её болевых точек, внёс, пожалуй, Ж. Делёз. Он «довёл до точки» проблемы, оставленные Кантом и Гуссерлем, не имевшими для их решения объективных условий или побоявшихся последствий их последовательного решения. Не всегда осознавая, он положил краеугольные философские камни в основания когнитивизма, и хотя тоже страдал от нехватки воздуха, но мужественно держался до последнего прыжка из окна.

Традиционная метафизическая философия опиралась на принцип тождества и исповедывала единство мира, которые Кант и Гуссерль не преодолели. Только в постмодернизме вместо принципа тождества (и противоречия) в основание философствования кладется принцип различия (и повторения). «Различие — за каждой вещью, но за различием ничего нет» — таково кредо его «нового рационализма»⁵. Принцип тождест-

⁵ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 79.

ва — это «самое само» для философии вещей, тел и идей, объекта и субъекта, их существования и сохранения. $A = A$ — изменения возможны, но в пределах границ, качества, идентичности данной вещи. Нарушая меру, изменения приводят её к гибели, разложению на элементы, из которых возникает нечто другое. Если эта «вещь» мир в целом, то все изменения происходят внутри Единого Бытия, которое само по себе вечно и бесконечно. Принцип различия, наоборот — когда $A \neq A$, $A = \text{не } A = B = V$ и т.д. Это принцип существования «одного другим», становления и изменения, непрерывного возникновения Нового, Иного. Для суще/ствующе/го — принцип отсутствия, небытия. «Необходимо, чтобы вещь не была тождественной, но была бы разорвана различием, в котором угасает тождество объекта, увиденного как видящий объект. Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференцируют его. Необходимо, чтобы каждый член ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом соотношении с другими членами, учреждая тем самым другие ряды, лишённые центра и сходимости. В самом ряде надо утвердить расхождение и смещение центра. Каждая вещь, каждое существо должно видеть поглощение собственной идентичности различием, быть лишь различием среди различий»⁶.

Гимн, исполняемый Делёзом Различию, оправдан. Эта категория его заслужила, ибо сама постмодернистская философия нередко определяется как философия различия. Не только у Делёза, а во всём постмодернистском мышлении. Она выступает связующим звеном, средостением, своего рода шлюзом для перехода из метафизики в трансцендентализм, от эссенциализма к реляционизму, от единства к множеству, от сознания к мышлению. Переход от тождества к различию есть переход от вещей к отношениям, притом, различия в постмодернизме не являются основаниями вещей и даже не отношения между вещами. Это чистые, самодостаточные отношения — априорная Мысль. *Информация как нечто первичное* (не она отражает и кодирует мир, а мир является её отражением и кодом). Которая, как известно, тоже определяется через «меру разнообразия», т.е. через различие. Различия — это «атом», «элементарная частица», теперь *грамма = бит, пробел*

мысли как информации, существующей априорно, до опыта, до бытия.

Если Кант через критику априоризма отказался от представительства мира в сознании, если Гуссерль через критику психологизма устранил из него всякую образность, то в постмодернизме через критику интенциональности из мышления убираются значения и смыслы. Вот когда оно, наконец, становится полностью бессодержательным. Формализованным, «абсолютно внешним». Если в философии Бытия в качестве *causa sui* постулировалась некая материальная (природа) или творческая (Бог) сущность, то здесь в качестве аргюти берётся Мысль. Действительно чистая, как таковая. Там субстанциальность, здесь трансцендентальность.

Совпадение, начавшегося с Канта отрыва мысли от бытия, её субстанциалистской догматической «априоризации» с потребностями когнитивно-информационной, нанотехнологической (и) космической революции — вот причина возрождения трансцендентализма. Непрерывного возрастания интереса к нему. Трансцендентальная философия, с одной стороны, вызывается к (не)жизни новейшими тенденциями нынешнего времени, а с другой, она, предчувствуя информатику, синергетику, программирование, виртуалистику и другие формы самоорганизации новационно-искусственного универсума, приходящего на смену нашему естественному миру, закладывала для него спекулятивные основания. *Трансцендентализм — это философия когнитивизма. Когнитивизм — это (не)философия трансцендентализма.* Вместе, претендуя на универсальность и парадигмальность, они предлагают единственно актуальную, «наконец-то» истинную модель мира. Мира, в котором человек, наконец, покончил с собой. Пройдя по ленте Мёбиуса отрицания бытия, мы получаем его другое, послечеловеческое, трансгомонистическое качество. Новую Онтологию. И Идеологию. Онтоидеологию безграничного, ничем не регулируемого трансгресса, в пределе автоматического, технического инновационизма, благодаря которому человечество, теряя смысловое, лого(с)центристское сознание, впадает в дигитальный транс(модернизм) *Mathesis Universalis*. Если дело пойдет так и дальше, на его долю останется последнее математическое действие: вычитание себя из самого себя.

⁶ Там же. С. 7.

Список литературы:

1. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивное конструирование реальности. М., 2012.
2. Виртуальные реальности. М., 1999.
3. В поисках новой гуманитарной парадигмы // Перспективы метафизики. СПб, 2001.
4. Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. СПб, 2004.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб, 2004
6. Игнат'ев М.Б. Кибернетическая картина мира. СПб, 2010.
7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1993.
8. Кутырев В.А. Бытие или Ничто. СПб, 2010.
9. Эпштейн М. Философия возможного. СПб, 2001.

References (transliteration):

1. Baksanskiy O.E., Kucher E.N. Kognitivnoe konstruirovaniye real'nosti. M., 2012.
2. Virtual'nye real'nosti. M., 1999.
3. V poiskakh novoy gumanitarnoy paradigmy // Perspektivy metafiziki. SPb, 2001.
4. Guserl' E. Osnovnye problemy fenomenologii. SPb, 2004.
5. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb, 2004.
6. Ignat'ev M.B. Kiberneticheskaya kartina mira. SPb, 2010.
7. Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Soch. v 6 t. T. 3. M., 1993.
8. Kutyrev V.A. Bytie ili Nichto. SPb, 2010.
9. Epshteyn M. Filosofiya vozmozhnogo. SPb, 2001.